

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДУЛЯЦИЯ В ДЕНОТАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Статтю присвячено проблемі відображення світу у денотативному просторі художнього тексту. Розглянуто семантичні процеси, які дозволяють за допомогою лексичної одиниці передати індивідуально-авторські знання світу.

Ключові слова: індивідуально-авторська концептуалізація світу, денотативний простір, семантичні процеси.

Ученые признают, что накопление рационального и эмпирического опыта осуществляется в структуре сознания личности посредством языка. Как отмечал П. Я. Гальперин, «достоинства языка (а следовательно, и языкового сознания) проверяются эффективностью речевого сообщения...» [1, с. 437], поэтому языковое сознание стремится не к полноте отражения действительности, а к набору таких средств сообщения, которые в определенных условиях придают объектам ту или иную характеристику, обеспечивая тем самым желаемое их понимание.

Стабильность языковой картины мира поддерживается семантической деривацией. Как отмечает Н.П. Тропина, «слова или их сочетания перестают быть простыми маркерами референтов, приобретают новые свойства, а именно начинают обозначать предметы и процессы в таких связях, которые выбираются познавательной установкой автора в качестве объекта сообщения в тексте» [5, с. 244].

Как разновидность семантической деривации рассматривается художественное значение, поэтому оно также формируется не хаотично, а «на основе архетипов – моделей высокого уровня обобщения» [6, с. 349]. Кроме семантической деривации, ученые предлагают понятие семантической модуляции. Семантическая модуляция отличается тем, что не затрагивает ядерных признаков, объединяющих слова в функционально-семантическое поле, не выводит слово за рамки исходной лексико-семантической группы и исходного синонимического ряда [4, с. 105].

Цель предлагаемого исследования – определить особенности семантической модуляции, отражающие вербальную передачу индивидуально-авторского знания в художественном тексте.

На денотативном уровне представляется плодотворным изучение семантических процессов, способствующих формированию художественного значения слова. Основанием для выделения того или иного семантического процесса служит соотнесенность между семной структурой значения на уровне языковой нормы и на уровне его контекстуальной реализации.

Процесс итерации (повторения) сем в языке может иметь, по наблюдениям Т. А. Тулиной [7], несколько разновидностей: прямая итерация описательных (денотативных) сем; итерация классем, служащих дополнительным связующим звеном между семемами сочетающихся слов; итерация коннотативных сем.

Прямая итерация сем вносит в номинативное употребление слова компонент экспрессивно-семантической осложненности. Например, словосочетание *быстро сбежать* на уровне языковой нормы представляет супплетивное явление (ср.: *бежать* «1. Усиленно скорым движением, **быстро** перебирая ногами, перемещаться в каком-л. направлении»). Однако в тексте оно подчеркивает оценочную характеристику персонажа: стремление услужить, лакейскую расторопность: *По ступенькам крыльца **быстро** сбежал лакей и, открыв ящик под кузовом автомобиля, вытащил маленький желтый чемодан* (Тэффи, Прелестная женщина).

Преобладающим в художественном тексте является повторение коннотативных сем. Так, в образовании форм с уменьшительно-ласкательными суффиксами усиливается оценочная коннотация: *Ну вот, этот мусью познакомил меня с одной барышней. На почте служит. Миленькая. Только, знаете, смотрю, а фигурка у нее прехорошенькая. Тоненькая, длиненькая. <...> Такая тоненькая, складненькая всегда сможет купить себе дешевенькое платьице – так за семьдесят пять франков* (Тэффи, Мудрый человек).

Усиление повторяющихся сем происходит в результате нанизывания синонимов для обозначения какого-либо объекта реальности. В качестве примера приведем такой контекст: *Когда вы описываете действительное происшествие, у вас получается такая ни на что не похожая штука, что все равно никто ничему не поверит. Если же **наврете, насочиняете, наплетете, нагородите**, – десять человек откликнется* (Тэффи, Жизнь и темы). Итерация сем 'говорить',

‘взор’, ‘неправда’ в синонимическом ряду глаголов говорения *наврять* «наговорить лжи, неправды», *насочинять* «выдумать, придумать много чего-л. ненужного, вздорного и т.п.», *наплести* «*перен., прост.* Наговорить много чего-л. (лишнего, вздорного); наболтать²», *нагородить* «*перен., прост.* Наговорить или написать много неверного, нелепого или вздорного» усиливается словообразовательным аффиксом – приставкой *на-* со значением «тщательность, исчерпанность действия».

Выход в новое тождество наблюдается, например, в слове *обсерватория*, употребленном в рассказе Н. А. Тэффи: – *Я правду говорю, – гудит поощренная хозяйка. – К вам в комнату войдешь – как палкой по носу. И банки, и склянки, и флаконы, и одеколоны – настоящая обсерватория* (Тэффи, За стеной). В узуальной лексеме *обсерватория* «здание, специально оборудованное для астрономических или геофизических наблюдений, а также научное учреждение, ведущее эти наблюдения» нейтрализовалось большинство семантических признаков. Актуализировавшиеся семы ‘помещение’, ‘специально оборудованное’ вызвали ассоциации с разнообразными телескопическими аппаратами, в которых главным составляющим является стекло. Этот семантический признак объединяет также и сосуды, изготовленные из данного материала – банки, склянки, флаконы. В тематический ряд включена лексема *одеколон* «спирто-водный раствор душистых веществ, употребляемый как парфюмерное средство», во множественном числе развивающая на основе пространственного соположения предметов метонимическое значение по модели «содержимое сосуда → сосуд». В результате слово *обсерватория* употребляется в художественном значении «комната, в которой главное место занимают стеклянные изделия разных размеров».

Особую эстетическую значимость в денотативном пространстве художественного текста приобретают лексемы со значением лица. Антропоцентризм аксиологической системы языка детерминирует приоритетное положение таких единиц в процессе вербализации окружающего мира. Писатели стремятся отразить процесс формирования устойчивого культурно-национального представления о человеке. Так, в начале XX века стереотипизации подверглось представление о человеке как бытийной субстанции, поэтому эстетически значимой стала номинация *жилец* «лицо, живущее в доме, квартире, снимающее жилое помещение (по отношению к тому, у кого снимается это помещение)». Ср.: *А теперь новая русская «власть» живет не в дедовской помещицкой усадьбе, а в городе: съехали жильцы с квартиры, так вот теперь новые взяли покинутую квартиру, значит* (Аверченко, Усадьба и городская квартира). *Все почему-то думают, что коронованные особы – это какие-то небожители, у которых на голове алмазная корона, во лбу звезда, а на плечах горностаевая мантия, хвост которой волочится сажени на три сзади* (Аверченко, Короли у себя дома). Противопоставление существительного *жилец* «лицо, живущее в доме, квартире» и субстантивированного прилагательного *новые* вносит в семную структуру первого компонента ‘старые’, ‘заботливые’, ‘основательные’. Последующий контекст усиливает эти семы. В результате существительное *жилец* приобретает положительную коннотативную окраску. Заметим, что лексема *жилец* ни разу не встретила в отрицательном контексте, ср.: *А жилец, Петр Дмитрич-то, очень застывает. Прямо горой за Лешку. Полно вам, говорит, Марья Васильевна, он, говорит, не дурак, Лешка-то. Он, говорит, форменный адепт, его и ругать нечего. Прямо-таки горой за Лешку. А уж у нас, что жилец скажет, то и свято. Потому человек он начитанный, платит аккуратно...* (Тэффи, Выслужился). *У нее <Аринюшки> была забавная и трогательная манера говорить языком взрослого человека. И поэтому жильцы всегда старались вызвать ее на разговор, в особенности, если приходил кто-нибудь из посторонних. ... В ночь на первое февраля жильцы всех комнат были встревожены и перепуганы: раздался громкий продолжительный звонок...* (Романов, Хорошие люди). И лишь когда в последнем рассказе автор подходит к раскрытию глубинной сущности соседней маленькой героини, отец которой был по ошибке арестован, он использует номинацию «обитатели квартиры»: *Обитатели квартиры, собравшись в комнате доктора, кто в чем, так как все уже легли было спать, – с бледными испуганными лицами обсуждали происшествие* (Романов, Хорошие люди). Кстати, и в заглавии, в сильной позиции текста, также использовано сочетание с имплицитной антитезой, без употребления лексемы *жилец*.

Заслуживает особого внимания функционирование лексемы *жалец* в рассказе М. М. Зощенко «Кризис». Художественный концепт *жизнь*, репрезентированный в рамках текста, раскрывается через монолог персонажа. Повествование ведется в ироническом тоне, что придает событиям комический оттенок. Герой рассказа приезжает в Москву и пытается найти пристанище («квадратную площадь»). В результате долгих поисков ему удается снять ванную комнату в квартире, где проживают еще тридцать два человека. Отношение к ним персонажа вполне определено: «Я говорю: – *Перегородить [ванну], конечно, можно. Да жильцы, – говорю, – дьяволы, не позволяют... А их, подлецов, тридцать два человека. И все ругаются. И в случае чего, морду грозят набить*». Негативная оценка жильцов (использование бранной лексики) в устах рассказчика, однако, не влияет на реализацию семной структуры семемы *жалец* «лицо, снимающее жилое помещение». Коннотативный фон значения снимается абсурдностью описываемой ситуации, с одной стороны, а с другой, – эмотивным фоном всего рассказа.

Жалец является одним из главных действующих лиц в рассказах Н. А. Тэффи. В художественной картине мира писательницы это понятие расширяется, приобретая обобщающий смысл «тот, кто живет на белом свете». Однако в словообразовательном плане значение мотивировано не глагольной единицей *жить*, а фраземой *не жалец (на белом свете)* «о том, кто долго не проживет, кто близок к смерти». В формальном отношении происходит конденсация семантики фразеологической единицы, а затем под воздействием авторских интенций словообразовательное значение модифицируется. Однако на уровне содержания отрицательная коннотация сохраняется. Особенно явно коннотативный микрокомпонент выражен в рассказе «День». Действующее лицо произведения не имеет ни имени, ни фамилии. Его главный отличительный признак – «старый жалец». В начале произведения существительное *жалец* функционирует в том значении, которое, как мы видели, было актуальным для всех писателей: «лицо, снимающее помещение для проживания». Персонаж назван жильцом потому, что он, проживая во Франции, снимает комнату в гостинице. По ходу развития сюжета мы узнаем, что это старый, больной, всеми забытый генерал. Каждое утро он встает в семь часов и, кое-как одевшись, прихрамывая, ковыляет в метро на службу. В рассказе не конкретизируется место его службы, очевидно, он занимается тем, что просит милостыню.

Временной план рассказа охватывает один день, но этот день особенный – день ангела. Генерал еще надеется, что к нему придут гости, принесут почту с поздравлениями, поэтому и наряжается «в невиданное платье – твердый узкий мундир с золотым шитьем, с красными кантами и широкими красными полосами вдоль ног» (Тэффи, День). Однако весь его вид напоминает старую сердитую птицу, а перед глазами плывут ящики (явная ассоциация с гробами). Сны уносят генерала в далекое прошлое, но и они не приносят облегчения: даже сквозь сон чувствуется боль в простреленном плече и контуженном колене. Старый жалец уже сомневается в том, что он не убит, только физическая боль возвращает его к жизни. А в жизни уже нет сил ни на жесты, ни на чувства. Осталось одно ожидание: когда ящики доплывут до последнего.

Таким образом, контекст синтезирует новый художественный смысл в лексеме *жалец* – «тот, кто живет бесцельно, доживает последние дни». Отсюда противопоставление двух художественных образов: *жалец белого света* – *гражданин вселенной*: «*Гражданин вселенной* – выражение, включающее в себя, главным образом, понятие о каких-то правах, о своей определенной доле в земных благах. Гражданин вселенной достиг своего. Гражданин вселенной – вымысел.

Жалец (жильцы) белого света – человек подневольный, пришибленный. *Жалец белого света* – борется и не достигает. *Жалец белого света* – реальность» (Тэффи, Жильцы белого света). В художественной картине мира сталкиваются два значения лексемы *жалец*, мотивированные разными единицами (ср.: в языке значения лексемы обусловлены развитием внутрисловной деривации). На ментальном уровне произошло расщепление атрибутивных параметров глагольного слова (*жить где*

и как). В процессе номинации лица локальный признак (жить где) реализовался на уровне межсловной мотивации, а обстоятельственный (жить как) послужил основой для множественной мотивации: на отглагольное значение наложилась модель отфраземного словообразования. В результате возникла номинация, несущая емкую эстетическую информацию.

Рассмотренный пример свидетельствует о том, что семантические признаки производных значений не только не утрачивают конкретные признаки производящих единиц, но усиливаются, подчеркиваются текстом, что позволяет вывести образ на уровень обобщения: *железнодорожник – реальность, гражданин – вымысел*. Ассоциативно-образная мотивация, близкая поэтической этимологии, реализуется на уровне всего текста. Это позволяет мотивированному слову обогатиться образными приращениями смысла, которые возникают в произведении как динамической системе речевых средств. В результате объективированный фрагмент реальности, входя в систему художественной картины мира, обретает черты «типического», а «специфическая языковая настроенность, исходящая из души, закрепляет индивидуальное своеобразие, воспринимая, в свою очередь, свое собственное звучание как нечто, исходящее извне» [2, с. 411].

Композиту *небожители*, употребляемому в книжной речи со значением «обитатель неба (преимущественно о богах древнегреческой мифологии)» придается иронически-негативный оттенок. Для понимания трансформации стилистической окраски данной языковой единицы необходимо обращение к социокультурным факторам. Исторически сложилось представление о вождях революции как о людях с особым складом ума, имеющих неординарные человеческие качества. Поэтому часто в русском менталитете происходило обожествление тех, кто стоял у власти. В советской литературе известно немало произведений, в которых, например, В. И. Ленин изображался как человек-титан, но в то же время простой и доступный. А. Т. Аверченко рисует сатирический облик вождей, поэтому обращается к стилистической антитезе *«железнодорожник (общеупотр.) – небожитель (книжн.)»*.

К подобной антитезе обращается и П. С. Романов, отражая социальные перемены, происходящие в России, в метафорическом образе поезда. Пассажиры, едущие в стремительно несущемся поезде, символизирующем страну, находятся в разных условиях: одни висят на подножке, другие теснятся в душных вагонах, а третьи расположились на крыше и кипятят чайник. И хотя положение последних крайне шатко, оно более выгодно, чем у других: – *Да что ты, домовый, одурел, что ли!* – крикнула женщина, когда парень наступил ей на ногу. – *Тут плакать в пору, а он... – Тетка, не падай духом... Эй, небесные жители!* [те, кто ехал на крыше поезда] *Разводи огонь, кипятят чайник* (Романов, Крепкий народ). Вместо композита *небожители* автор употребляет расчлененную единицу наименования.

Таким образом, особенности семантической модуляции в художественном тексте обусловлены семантическими процессами, которые приводят к модификации лексического значения в соответствии с авторскими интенциями. Процессы семантической модуляции не только определяют динамику семной структуры художественного слова, но и способствуют обогащению денотативного пространства художественного текста, придавая ему особую эстетическую тональность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления / П. Я. Гальперин // Психология как объективная наука. Избранные психологические труды [под ред. А. И. Подольского]. – М. – Воронеж, 1998. – С. 430–441.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры [пер. с нем.] / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.
3. Єрмоленко С. С. Мовне моделювання дійсності і знакова структура мовних одиниць : Монографія / С. С. Єрмоленко. – К. : Видавничий Дім Дм. Бураго, 2006. – 384 с.
4. Лопушанская С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Русский язык : история и современность : сб. ст. к юбилею проф. Т. М. Николаевой / под общ. ред. Л. Р. Абдулхаковой, Д. Р. Копосова. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2008. – С. 104–111.
5. Тропина Н. П. Семантическая деривация в современном русском языке : дис. докт. филол. наук : 10.02.02 «Русский язык» / Н. П. Тропина. – К., 2003. – 401 с.
6. Тулина Т. А. Компонентный анализ как инструмент изучения семантической связи между словами / Т. А. Тулина // Материалы республиканской научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики современной лингвистики». – Бельцы, 1991. – С. 52–53.

The semantic modulation in denotative space of the text of fiction

The article is devoted to a problem of reflecting the world in the denotative space in a work of fiction. Semantic processes enabling a lexical unit to express the author's personal world outlook are regarded.

Keywords: author's personal world outlook, denotative space, semantic processes.

Ольга Петришина

СТРУКТУРНО-ЕКСПРЕСИВНА СПЕЦИФІКА СИНТАКСИЧНИХ КОНСТРУКЦІЙ У ЦЕРКОВНИХ ПРОПОВІДЯХ (НА МАТЕРІАЛІ ПРОПОВІДНИЦЬКОЇ СПАДЩИНИ ЙОСИФА СЛІПОГО)

Статтю присвячено аналізу різноманітних синтаксичних конструкцій проповідницької спадщини Йосифа Сліпого. Гомілетичні вимоги та індивідуальна манера проповідання визначають особливості синтаксичних одиниць у мовотворчості Патріарха.

Ключові слова: синтаксична конструкція, просте речення, ускладнювальні компоненти, складнопідрядне речення, головна частина, підрядна частина, складносурядне речення, експресивна функція, церковна проповідь.

Головне призначення церковної проповіді – пояснення біблійних істин з метою формування християнського світогляду та виховання моральних чеснот вірного християнина. Це, а також переважно усна форма функціонування проповіді, є визначальними чинниками, що зумовили специфіку лексичних та граматичних засобів, притаманних проповідницькому підстилю релігійного стилю сучасної української літературної мови. Історії його становлення, конститутивним ознакам, мовним стилевим засобам тощо присвячені розвідки багатьох учених: В. Німчука [12–14], Н. Бабич [1–2], Н. Дзюбишиної-Мельник [6–8], З. Куньч [10–11], І. Грималовського [5], І. Чепіги [18–20], Г. Чуби [21–22] та ін. Завдяки дослідженням І. Огієнка [15–16], О. Горбача [4], В. Німчука [13] висвітлено мовностилістичні особливості українських перекладів Святого Письма. Упродовж останніх років з'явилися численні лінгвістичні праці, присвячені різним аспектам аналізу цього функціонального різновиду сучасної української літературної мови. Проте специфіка синтаксису проповідницького підстилю, як і релігійного стилю загалом, на сьогодні в лінгвістиці майже не вивчена.

Грунтовного мовознавчого аналізу вимагає спадщина відомих діячів української національної церкви, зокрема Патріарха УГКЦ Йосифа Сліпого. Творчий доробок Блаженнішого до останніх десятиліть ХХ століття був заборонений, а нині претендує на статус кращих зразків духовної писемності. Наукові праці, проповіді й послання першоієрарха використовують при викладанні спеціальних дисциплін у духовних навчальних закладах.

Окремі аспекти життя й багатогранної діяльності Патріарха Йосифа стали предметом досліджень, здійснених у діаспорі М. Галівим, І. Дацьком, В. Качмарем, М. Лабунькою, В. Ленциком, М. Любачівським, М. Марусиним, І. Музичкою, Л. Рудницьким, М. Рудницькою, І. Хомою, їх також вивчали лінгвісти та духовні особи в Україні (М. Бармак, М. Бендик, Е. Бистрицька, О. Гринів, І. Губаржевський, А. Денисенко, О. Мишанич, Ю. Рудавський, В. Сергійчук, Н. Сердюк, О. Шишка). Проте мовностилістичні особливості його розмаїтої творчої спадщини не були предметом мовознавчих студій.

Мета дослідження – проаналізувати структурно-стилістичні особливості синтаксичних одиниць у проповідях Йосифа Сліпого. Об'єктом нашої студії є синтаксичні конструкції проповідей Патріарха Йосифа Сліпого. Джерельною базою послужило єдине видання творчого доробку Блаженнішого, яке було опубліковане в Римі впродовж 1968–1985 рр. (цитуюмо за цим виданням, указуючи том, сторінку, зберігаючи орфографію та пунктуацію).

Проповіді Йосифа Сліпого багатогранні та оригінальні з погляду використання синтаксичних конструкцій. Структура проповідей, з одного боку, має виразні ознаки розмовного мовлення, що передається еліптичними, контекстуально неповними реченнями, безсполучниковими конструкціями